

— С 22-го октября по 10 ноября я пробыл в Сочи на очередной VI-й Всесоюзной Школе по физике ионосферы. А незадолго до отъезда мне в кирху неожиданно позвонил из Ленинграда Дима Ужгин: Иринка заболела, пиэлит - воспаление почечных лоханок. Сентябрь первокурсники провели в колхозе на морковке. Вернувшись оттуда простуженной, Иринка не отлежалась, а ездила на занятия, видать, добавила и угодила теперь в сестрорецкую больницу.

— Тётя Тамара навещала её каждый день, подкармливала, приезжал Дима. Мы держали связь с Бургвицами по телефону, Сашуля из Калининграда, а я из Сочи. К счастью, всё обошлось без осложнений, и через две недели Иринку выписали, но в институте накопились отработки - не сданные промежуточные зачёты. А тут ещё Сашуле предстояло ложиться в больницу на операцию - удалять миому.

— Беспокойство за Иринку и Сашулю не позволяло мне в Сочи чувствовать себя в полной мере курортником и, конечно, снижало тонус, оставляя осадок в виде чувства неуместности моего нахождения здесь. Но ведь я был приглашённый лектор из того меньшинства, которому предоставили по 4, а не по 2 часа на лекцию. Так или иначе, я был в Сочи, и тому же эта Школа была очень кстати для предполагаемой работы над книгой (правда, Б.Е. что-то молчал).

— В остальном же всё было, как всегда, чудесно. Из обсерватории кроме меня поехали ещё от нашей лаборатории Володя Клименко и Ваня Карпов. От Саенко должна была поехать Надежда Тепеницина. Саенко сам хотел поехать, но его не отпустили врачи. Он уже больше полугода мучился шейным остеохондрозом, осложнённым мнительностью на почве развившейся после защиты неврастении, и теперь лежал на обследовании в областной больнице.

— Надежду же не отпустили Иванов и Карвецкий - секретарь парторганизации КМИО, как коммунистку, по идиотской причине: у них отчётно-перевыборное собрание на носу, а коммунисты, которых и так наперечёт, не в полном составе - Саенко в больнице, Иглаков в отпуске, кто-то ещё где-то в командировке, так что Тепеницина без Школы обойдётся, а они без неё никак, особенно в свете нынешней борьбы за дисциплину. Не помогли ни мои серьёзные уговоры, ни мои насмешки.

— Надежда осталась, а к собранию и Саенко, и Иглаков, и все прочие появились. Зато повезло Коле Нацвалюну. Он поехал вместо Надежды, а от университета поехала его жена Лида, правда, за свой счёт и в счёт отпуска, так как Сочи не было в плане командировок кафедры, а убедить бухгалтерию в том, что там на самом деле будут научные заседания, им не удалось, хотя Латышеву разрешили послать от его кафедры Белякову - аспирантку Латышева и Фаткуллина (Костя выбрал себе в напарники теперь Марса вместо Осипова, а Марс искал опору на стороне, не имея её в ИЗМИРАНе).

— В "Спутнике" в этот раз школьников поселили в двухместных комфортабельных номерах нового высотного корпуса - 17-этажной сейсмоустойчивой башни, за строительством которой можно было наблюдать ещё в 76-м году. Комфорта, конечно, прибавилось существенно. Раньше туалет был общий на этаж и вечно с очередью, а душ общий на весь корпус, и в четырёхместных кубриках не повернуться. Зато все толпились и общались в холлах, где гремели шахматные блиц-баталии, а теперь все расплзлись по своим углам на трёх этажах и не видно никого. Правда, спокойнее так.

— Мы с Клименко поселились вместе в одном номере, а Ваня этажом ниже и тоже с Ваней, из Ростова, таким же молодым ещё специалистом. В первый вечер, когда нас не поставили ещё на довольствие, мы отправились втроем по шоссе в сторону центра, то есть собственно в Сочи (а "Спутник" находится между Хостой и Мацестой) прогуляться и в надежде где-нибудь подкормиться по дороге. Однако ближайшие забегаловки оказались уже закрытыми или занятыми под "спецобслуживание", и километра через два Клименко сник - отказался идти дальше: не до Сочи же в самом деле тащиться, и вернулся в

"Спутник".

—А нас с Ваней вполне устраивала прогулка под тёплым и чёрным уже вечерним южным небом, и мы потопали дальше, вот только потоки машин раздражали. В награду за наше упорство буквально через 10 минут после того, как нас покинул Володя, нас приютил чудесный уголок - закусочная "Пальма", обыкновенная небольшая стекляшка чуть на отшибе от санаториев и посещаемая, главным образом, таксистами с тем, чтобы быстро перекусить. Здесь прямо на глазах посетителей готовят чебуреки и аппетитные колбаски, забыл, как называются (митетеи, кажется, или что-то в этом роде). И народу практически нет, человек пять всего.

—Мы с Ваней взяли и чебуреков, и колбасок, и сухого белого вина к ним, и стало нам очень хорошо. После "Пальмы" мы готовы были идти дальше хоть до самого центра, может, в киношку какую попадём, всё равно делать нечего. Прошли стадион, дендрарий, это уже окраина собственно Сочи, вышли к новому цирку, призывно сверкавшему огнями.

—- Вот, это то, что нам нужно, - решили мы с Ваней. - Народ толпится, значит, сейчас представление начнётся. Айда туда!

—Впопыхах мы схватили с рук первые попавшиеся билеты, хотя они были и в кассе. С этими билетами бросились к контролёру, полагая, что уже опаздываем. Оказалось, что до начала ещё полчаса, а вот билеты мы взяли... на завтрашнее число. Мы с Ваней дёрнулись было обратно к кассе, но контролёрша смилостивилась: забрала у нас билеты, не отрывая контроль, и пропустила, предупредив, чтобы шли наверх и садились на свободные места, когда остальные рассядутся.

—В оставшееся до начала представления время мы с Ваней обходили по кольцу двухэтажное фойе и восхищались изобилием разливочных точек, пропустили по стаканчику креплёного и уселись в мягких креслах наверху, озираясь по сторонам. Помещение огромное, а уютное. Кондиционирование отличное, и свободных мест достаточно, около четверти примерно.

—Цирк-то оказывается на льду сегодня, московский, гастрولي.

—Началось представление, загремела музыка, световые эффекты впечатляющие, номера в общем-то стандартные, как и в обычном цирке, но всё на коньках, даже гуси, петухи и утки, не говоря уже о медведях. Нам с Ваней все номера очень понравились. В перерыве мы ещё выпили сухонького, в этот раз на открытой веранде, на свежем воздухе, и второе отделение смотрели с ещё большим воодушевлением.

—Вышли такие довольные, что в "Спутник" решили опять пешком топтать и дошли за час двадцать примерно, значит, километров 7-8 от "Спутника" до цирка.

—Вообще Ваня оказался лёгким на ногу. Мы с ним на Ахун-гору лазили, это 11 километров по дороге, но мы лазили напрямик. Поначалу было сбились с пути в дебрях и вылезли на гребень какого-то отрога, пришлось опять вниз спускаться. Зато потом мы так чётко карабкались наверх, что вылезли в конце концов прямо на задворки шашлычной, что на самой макушке Ахун-горы. Рядом с ней башня, откуда вид прекрасный на Кавказские горы, даже Эльбрус виден.

—Обратно мы спускались по шоссе, я порывался бегом бежать, но Ваня не смог меня поддержать, так как натёр мозоли моими кедами (я взял с собой и кеды, и кроссовки). Эти мозоли у него долго не заживали, но несмотря на них Ваня часто бегал со мной по утрам. Будил нас и возглавлял пробежки Эдик Гинзбург. Он сам первый год только как бегал и бросил курить в связи с этим, но, несмотря на свои 50 уже лет, с лишком даже, бегал как чёрт, подолгу и быстро.

—Вставали мы в начале седьмого, выбегали на пляж, делали зарядочку, а затем 45 минут бегали по берегу моря, если не был закрыт пляж санатория ЦК КПСС (сам санаторий на горе, а к морю лифт сквозь гору и туннель, отдыхают там не члены ЦК, а всякие бластные), или вокруг "Спутника". С нами бегала ещё Саша Докучаева из Алма-Аты, позже и другие выбегали, но не так регулярно, как мы. Эдик со своим темпом наматывал 5 кругов до конца пляжа ЦК и обратно, а мы с Ваней только 4.

—Потом, остыв слегка, купались в море. Вода градусов 14 (температура воздуха днём 18, изредка до 22, солнышко не каждый день было, всё-таки конец октября - начало ноября, и здесь уже осень), поначалу обжигает, но после нескольких энергичных гребков уже приятно, так как тело хорошо разогрето бегом. И только когда мы уже растирились на берегу, врубался радиоузел "Спутника", вещая подьём для остальных бодрой песенкой про "Спутник", а потом "Утренней гимнастикой" Высоцкого. Под неё мы возвращались в свои номера, принимали душ, отогреваясь после купания, и - на завтрак.

—По вечерам, после ужина Ваня с Володей либо отправлялись на дискотеку не столько плясать, сколько пропустить сухонького под музыку, либо заваливались в наш номер вместе с Лариской Зеленковой и Людмилой Немцовой (с их кафедры) писать пулю, при этом все четверо дымили как паровозы, не обращая никакого внимания на меня, пытавшегося писать лёжа в кровати. Засыпал я в этом чаду отлично, так как вставал рано, и претензий игрокам не предъявлял.

—Не к самому началу почему-то приехала Гудрун, мы очень обрадовались друг другу. Я подарил ей несколько хороших кусков янтаря и сводил в цирк: наш поход с Ваней оставил у меня такое приятное впечатление, что я решил повторить его с Гудрун. Она удивилась моему предложению и сказала, что не очень любит цирк, но я был уверен, что ей понравится, и не ошибся.

—Мы дошли пешком до "Пальмы", отведали там чебуреков с сухим вином - Гудрун ни разу их ещё не ела, а тут и готовят на глазах, затем зашли в "Камелию" - интуристовскую гостиницу, где поселили иностранцев, приехавших на Школу, - выпили по рюмочке коньяку у неё в номере, а оттуда, опять пешком, дошли до цирка. Программа уже сменилась, цирк был теперь не на льду, а обыкновенный, на опилках, с тиграми, но не хуже, чем в прошлый раз. Особенно хороши были ковёрные, заставлявшие иногда хохотать до слез, до колик, как в детстве.

—Мы сидели в этот раз внизу, у самой арены, видно всё было отлично, только шея уставала, когда смотреть нужно было вверх. В перерыве я угощал Гудрун пирожными и вином, а после представления проводил её до "Камелии" и оттуда бегом до "Спутника" - пробежаться чего-то захотелось.

—Гудрун расспрашивала меня про моё здоровье, последний раз мы ведь виделись с ней в декабре, в разгар моей депрессии. Я рассказал про наши занятия бегом с Митей, похоже, что бег мне больше всего пошёл на пользу. Рассказал про Иринку - дочь студентка уже, со второго захода поступила, работала санитаркой, скоро, глядишь, замуж выскочит, а там и дедом стану.

—Гудрун рассказывала про то, как они нелегально поженились с Детлефом, будучи ещё студентами, - тогда в ГДР студентам жениться не разрешалось. Они жили порознь в общежитии, родилась дочка, и Гудрун нянчила и растила её тут же в общежитии, в комнате, где она жила с ещё одной девушкой.

—Гудрун приехала не на весь срок Школы и уехала как-то неожиданно - у неё были дела в Москве, и мы с ней даже проститься толком не успели.

—Лекция мне удалась, хвалили. Но и готовился к ней я, слава Богу, тщательно. Надо было ведь и основы напомнить слушателям, чтобы всё было понятно, и в то же время не хотелось повторять то, что читал уже на прошлой школе.

—На банкете опять была Опера про Школу, теперь уже и я был в числе её персонажей. Когда по окончании товарищеского ужина банкет перекочевал в номера и холлы жилого корпуса, мы с Андреем Михайловым сорвали голоса, распевая Высоцкого под Андрюшин аккомпанемент на гитаре, благо под рукой имелись тексты - мне Лариска (вот что значит старый друг) привезла из Ленинграда и подарила переплетённый сборник песен Высоцкого, отпечатанный любителями на компьютере.

—Когда этот концерт закончился, мы с Клименко обнаружили, что в наш номер невозможно попасть. Дверь изнутри заклинило снизу паркетом, вздыбившемся, наконец,

от регулярного подтекания воды из душевой. Недолго думая спьяну, я вышиб дверь плечом вместе с частью косяка, к которой она крепилась. Зашли в номер, приставили дверь к проёму и легли спать.

— Через пару часов неугомонный Гинзбург пришёл будить меня на утреннюю пробежку. Постучал тихонько - нет реакции, стукнул посильнее, и дверь со звуком артиллерийского выстрела грохнулась на пол. Никто, однако, не проснулся вокруг, так нагулялись. И меня Гинзбург не смог поднять; это был единственный раз, когда я не бегал утром.

— Выломанную дверь нам простили, пришёл мастер, и всё быстро починил.

Оказывается, это не первый раз у них такая история случается.

— Традиционные поездки в Сухуми и на Рицу в этот раз утомили и не доставили мне особого удовольствия, хотя, конечно, участок дороги непосредственно перед Рицой - сначала по дну узкого ущелья, потом по краю обрыва в пропасть - тронул-таки мои чувства, куда денешься. А Ваня с Володей, Лариской и Людмилой не теряли времени и тут даром - всю дорогу пулю писали на заднем сиденье автобуса.

— В Калининград возвращались тем же рейсом с двумя посадками - в Одессе и Минске, что и летели сюда. Нагрузились фруктами - хурмой, которую я тщательно поштучно завернул в скомканные куски газет, дабы избежать неудачи, которая постигла Ваню. Он с базара до "Спутника" свою хурму довести не сумел, вся в кисель превратилась, ложкой его хлебали.

— В адлерском аэропорту Коля Нацвалян облегчённо вздохнул, когда безо всякой задержки объявили посадку. В прошлый раз мы крепко застряли в этом аэропорту, тоскливо ожидая прибытия самолёта. Коля надолго это запомнил и боялся, как бы история не повторилась. Я ему сказал:

— Подожди, радоваться в Калининграде будешь.

— И как накаркал. История повторилась. Только в этот раз нас посадили в самолёт, продержали там больше часа, в течение которого мы совсем одурели, и вывели обратно - что-то с турбиной одной случилось. Улетели где-то посередь ночи, и хоть, слава Богу, больше нигде не задерживались. Хурму свою, как ни странно, я довёз в целости и сохранности.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)